

Федор ЧЕХАНКОВ

.....
"О России я могу писать только в Риме. Только там она представляется мне вся, во всей своей громаде. В Риме я писал перед открытым окном, обвеиваемый благотворным и чудотворным для меня воздухом. Рим, наш чудесный Рим! Рай, в котором ты живешь, этот Рим увлек и околдовал меня".

Николай Васильевич Гоголь.

Несмотря на очевидную нелепость и даже, вероятно, кощунственность подобного сопоставления, должен признаться, что все ниже изложенное также родилось в моей голове в Риме, перед открытым окном, под влиянием того же "благотворного" воздуха. Впрочем, за успех "Мертвых душ" эти заметки не претендуют: воздух и климат, к сожалению, для литературных опытов — не самое важное.

Нынешним летом и осенью я лишний раз убедился, что человек предполагает, а Бог располагает. Воспоминания прошлогодний отпуск в Италии, я опять мечтал о веронском оперном фестивале. Но получилось так, что погал я не в августе, а в сентябре, и не в Верону, а в Рим.

В сентябре в Риме — мертвый театральный сезон. Тем не менее в метро бросилась в глаза яркая афиша: "Музыка в сентябре. Сезон оперы и балета. Фестиваль Театра Манзони". Исследую программу: "Травиата", "Риголетто", "Тоска", "Ромео и Джульетта", "Жизель". Похоже, это именно то, что мне нужно.

Но вот незадача — никто из моих знакомых понятия не имеет, где находится Театр Манзони. Если верить справочнику, это довольно далеко, в районе Ватикана. Расстояние от дома, в котором я

живу, — как от площади Суверова до Кузьминок. Представьте мое изумление, когда на указанном месте театра не обнаруживается. Кто-то из прохожих называет мне его истинное местоположение. Расстояние опять-таки чудовищное. Спектакль начинается в девять. Осталось двадцать минут. Спешно хватаю такси и, наконец, после приключений и нервотрепки благополучно достигаю цели.

Спешить, как выяснилось, было некуда. Во-первых, спектакль задержали на полчаса, что сразу породило во мне нехорошие предчувствия. Надо сказать, они во многом оправдались. Рецензировать эту "Травиату" я не решаюсь, тут надо обладать иронией Эдуарда Графова. Узкая, вытянутая сцена по бокам завешена черными полотнищами. В центре — дверь, по обе стороны от нее — два окна. Диванчик из югославского мебельного гарнитура. На протяжении четырех актов расположение двери и окон менялось, однако ничего нового к оформлению не добавилось. Хор — вообще тема для отдельной статьи, вернее — фельетона. Я тихонько высокомерно подсмеиваюсь, но вдруг замечаю, что спектакль принимается публикой с громадным энтузиазмом. В конце каждого номера — взрыв аплодисментов. Понятно, правда, что в зале мест на 600–700 — в основном туристы. Аплодисменты "наступают" на конец музыкальной фразы. Итальянцы, при всем своем большим темпераменте, никогда этого не сделают. К середине второго акта божественная музыка и нерушимые традиции итальянского бельканто покоряют и меня. Я перестаю обращать внимание на огрехи постановки и просто с удовольствием слушаю, тем более что партию главной героини исполняет очень недурная гастролерша из Испании. Прекрасное впечатление произвел ди-

рижер Карло Донадио — энергичный, молодой, обаятельный, с внешностью Вэна Клайберна.

Спектакль имел успех, что неудивительно. Вечер, Рим, Верди — само по себе сочетание беспроегрышное. Однако у римских вечеров есть и одна малоприятная особенность: практически невозможно добраться из театра домой. Метро закрывается в двадцать три тридцать, последний автобус проходит минут двадцать первого. Предполагается личная машина или такси. Но такси, которых полно в городе в течение дня, с наступлением темноты исчезают. Вечером их надо заказывать по телефону. Телефон я не знал, брел наугад и где-то на полпути, на свое счастье, случайно поймал какого-то припозднившегося таксиста. Кстати, частная машина здесь никогда не остановится, чтобы подбрать голосующего пассажира.

Напуганный ночными блужданиями, в Театр Манзони я больше не пошел. Но опять-таки в метро — самом обычном для Рима месте — заметил еще одну яркую афишу: "Итальянское искусство 95. Театр Олимпико". С 20 по 25 сентября — шесть дней балетного фестиваля. Выбираю 22-е: Компания Европейского балета представляет гала-программу к 100-летию мирового кинематографа. Надо сказать, что эта дата широко отмечается в Италии. Наше киноискусство было представлено в ретроспективном показе "Лениным в 1918 году" и "Иваном Грозным". По телевизору показали "Обломова" Никиты Михалкова...

Театр Олимпико тоже расположен недалеко. Но туда можно добраться на трамвае. Впрочем, здесь в отличие от Театра Манзони мне удалось получить бесплатный пропуск. Еще на афише я заметил набранное самым круп-

Мои римские каникулы

Культура. — 1995. — Число. — С. 10

Рим. Колизей

ым шрифтом имя: РАФАЭЛЬ ПАГАНИНИ. Балетный премьер Римской оперы с партнершей открывал вечер адажио из "Кармен". Реакция зала меня просто шокировала: ни единого хлопка на выход и уход. Вот феномен артиста, который сам себя "раскручивает", не имея ни малейших данных по настоящему считаться премьером.

В финале вечера Паганини появился опять — теперь уже в фрагменте из "Грека Зорбы". Я смотрел и, по контрасту, вспоминал премьеру "Грека Зорбы" на "Арена ди Верона" в 1988 году. Танцевал Владимир Васильев. Был он лет на десять старше Паганини, но какая удача, мощь, какой масштаб страсти были в этом блондинистом греке!.. Жаль, что Москва того спектакля не увидела. Вообще, сталкиваясь с "премьерами" вроде Рафаэля Паганини, с особенной четкостью понимаешь, как мало мы ценим собственные большие таланты. Не успел Васильев встать во главе Большого теа-

хитекуры, категорически запретил проведение любых "шумных" мероприятий в Колизее, цирке Массимо, термах Каракаллы...

Музыку к балету написал Николо Пьевани, художник спектакля — Мило Монара, сделавший с Феллини несколько фильмов. Постановщик — Миша Ван Хок, бельгиец русского происхождения, когда-то танцевавший у Божара, ныне очень модный, эпатажный, экстравагантный европейский хореограф. Главная сюжетная линия — взаимоотношения Федерико и Джульетты Мазини. На роль Мазини приглашена наша русская американка Наталья Макарова. Феллини танцует легенда французского балета 50-х годов семидесятидвухлетний Жан Бабеле, между прочим, совсем на Феллини не похожий. У спектакля не слишком благополучная судьба. Макарова долго не могла уловить стилистику хореографии. Бабеле дважды на спектаклях падал, и его увозили в больницу. И все-таки, даже не видя, можно сказать, что это чрезвычайно любопытный эксперимент.

Я забыл рассказать, что посмотрел еще один спектакль в Театре Олимпико в рамках фестиваля "Итальянское искусство-95". Это была премьера "Кассандры" в версии новой труппы "Балет Рима". Музыка Марко Шивони, хореография Лучано Каннито. Это балетная надежда Италии. У Каннито множество престижных наград, он работал в Австрии, Германии, Франции, Италии...

В его "Кассандре" древнегреческий сюжет перенесен в 50-е годы нашего века. дейст-

вие происходит в сицилийском селении. Пустая сцена, обтянутая черным бархатом, потрясающий свет, поставленный, как мне сказали, за день до премьеры. Точная, жесткая, почти жестокая хореография. Кассандра — Джузеппина Сантагати. По-моему, мне повезло увидеть один из лучших балетных спектаклей в стиле модерн двадцатого века. Очень хотелось бы, чтобы его привезли в Россию.

Любителям драматического искусства приходится в сентябре в Риме гораздо более туго, чем мелодраматоманам. Ни один драматический театр в это время не работает. Но в вестибюлях, у касс,

уже вывешены репертуарные планы будущего сезона. Что же ждет зрителей?

Я обошел самые знаменитые. Театр Валле, на сцене которого играли Дузе, Гасман, Тото, Маньяни. Предстоят премьеры по пьесам Пиранделло и Пазолини. Театр Квирино: "Царь Эдип" и "Эдип в Колоне" Софокла, "Ромео и Джульетта" и "Макбет", "Идеальный муж". Национальный театр верен родной драматургии: запланированы постановки Пиранделло. Гоцци и Эдуардо де Филиппо. В этом театре ставит спектакли сын де Филиппо — Луко. В центре города, на виа Национале, находится Театр Элисео. Реперту-

ар будущего сезона: А.Миллер "Вид с моста", "Мнимый больной", "Вишневый сад", моноспектакль знаменитой итальянской актрисы Росселлы Фалк "Каллас, великая Каллас" и "Много шума из ничего". Когда я рассматривал афиши, мне еще не было известно, что назначенный главным режиссером нашего театра, Театра Российской Армии, Борис Морозов тоже объявит первой премьерой сезона эту шедеврскую комедию.

Иду по Риму. Сворачиваю с площади Барберини на улицу Сестина. Здесь же и единственный музыкальный театр. Сезон уже тоже определен: музыка Ренато Росселла и Доминико Модуньо, либретто Гореня и Джованини — мюзикл с прекрасным названием "Алилуия хорошим людям!"

Еще немного вперед по той же улице, и взгляду открывается барельеф, на котором по-русски и по-итальянски вы-

сечено: "Здесь жил в 1838 — 42 годах Н.В.Гоголь. Здесь писал "Мертвые души". Доску установила русская колония в 1901 году, к пятидесятилетию со дня смерти Гоголя.

В Риме невозможно не думать о Гоголе и шире — о странном родстве, духовной общности между русскими и итальянцами. Недаром писал Борис Пастернак: "Для меня Италия и Россия связаны знаком равенства. Не звучит ли "равенство" как Равенна? И в конце концов не писал ли Гоголь "Мертвые души", величайшее русское, в Риме, на via Sistina?" А ведь "Доктор Живаго" тоже был впервые опубликован в Италии.

Фонтан Треви, площадь Навона, площадь Испания, площадь Венеция... — эти волшебные названия знакомы сегодня многим нашим соотечественникам. Часто слышишь на улицах Рима русскую речь. В самых популярных среди туристов точках города продаются путеводители на русском языке. Еще три года назад такое было непредставимо. Я бросаю монетки в фонтан, чтобы вернуться в Рим еще раз, но думаю уже о Москве. Скоро начнется сезон. У нас новый главный режиссер. Мне как-то очень верится в энергию Бориса Морозова, в его здоровый оптимизм. Там моя работа, мои зрители, там меня иногда узнают в магазинах и приветливо улыбаются. В Москве это редкость, не то, что в Риме, оттого и ценишь больше... С тех пор, как у нас появилась счастливая возможность ездить, видеть мир, я понял одну простую вещь: увереннее себя чувствуешь не там, где хорошо, а там, где ты больше нужен.

Рим. Фонтан Треви